

УДК 82.091

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-2-0-7

Касымова З. А.

**Расколотое сознание героя времени: о диалогичности
в романе А. Чулпана «Ночь и день»**

Негосударственное образовательное учреждение "Andijan-Phoenix", проспект Навои, д. 71,
г. Андижан, 170100, Узбекистан; zk67185@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию актуальной проблемы отражения диалогического сознания человека в художественных текстах на примере романа А. Чулпана «Ночь и день». На основе анализа образа главного героя произведения рассмотрено своеобразие диалогических отношений Мирякуба с внешним миром, взаимосвязей между духовной и физической сущностями героя, а также диалогических взаимодействий на глубинном уровне сознания героя. Подчеркнуто, что Мирякуб как герой своего времени является носителем расколотого сознания, в котором Я-активное и Я-рефлектирующее не представляют цельным единством, а состоят из фрагментов, порой болезненно противоречащих друг другу. Так, ущемленное эго героя активизирует в нем деятеля, стремящегося исправить несправедливое по отношению к нему стечение обстоятельств, формируя своеобразный кодекс бизнесмена, смеющего попирает законы нравственности, против чего серьезно протестует часть его рефлектирующего сознания, основанного на мусульманских и – шире – общечеловеческих ценностях. Борьба между обоими субъектами сознания героя проявляется на нескольких уровнях диалогических отношений: 1) взаимодействие, не достигающее уровня речи; 2) внутренний монолог/диалог; 3) озвученный монолог. Анализ этих уровней диалогических отношений помог охарактеризовать своеобразие системы диалогичности сознания человека, отраженной в романе «Ночь и день», а также подтвердил, что А. Чулпан далеко опередил своих современников в понимании и решении проблем диалогизма.

Ключевые слова: диалогизм; сознание; внешний мир; физическое; духовное; глубинный уровень сознания; Я-активное; Я-рефлектирующее; внутренний монолог; озвученный монолог

Для цитирования: Касымова З. А. Расколотое сознание героя времени: о диалогичности в романе А. Чулпана «Ночь и день» // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 2. С. 66-79 DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-2-0-7

Z. A. Kasymova

**The fractured consciousness of the time hero: dialogicity
in A. Chulpan's novel "Night and Day"**

Non-governmental Educational Institution "Andijan-Phoenix", 71 Navoi Ave., Andijan, 170100,
Uzbekistan; zk67185@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the topical problem of reflecting the dialogic consciousness of a person in literary texts, using the example of the novel

“Night and Day” by A. Chulpan. Based on the analysis of the image of the novel’s main character, the uniqueness of the dialogical relationship of Miryakub with the outside world, the relationship between his spiritual and physical entities, and dialogic relations at the subtle level of the hero’s consciousness are considered. It is emphasized that, as a hero of his time, Miryakub was the bearer of fractured consciousness, in which the active Self and the reflecting Self of the hero were not integral, but consisted of fragments, sometimes painfully contradicting each other. So, the hero’s hurt ego turned him into an active figure, who was trying to fix the unjust conditions around him, forming a code of a businessman who dares to violate the laws of morality, against which part of his reflective consciousness, based on Muslim and – more broadly – universal values, seriously protests. The struggle between both subjects of the hero’s consciousness was manifested at several levels of dialogic relations: 1. interaction that does not reach the level of speech, 2. internal monologue/dialogue, 3. voiced monologue. The analysis of these levels of dialogic relations helped to characterize the peculiarity of the system of dialogic consciousness of a person, reflected in the novel “Night and Day”, and also confirmed that A. Chulpan was far ahead of his contemporaries in understanding and solving the problems of dialogism.

Keywords: dialogism; consciousness; external world; physical; spiritual; subtle level of consciousness; I-active; I-reflective; internal monologue; voiced monologue

For citation: Kasymova Z A. (2021), “The fractured consciousness of the time hero: dialogicity in A. Chulpan’s novel “Night and Day”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (2), 66-79, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-2-0-7

Философия диалога, впервые предложенная М. Бубером (Бубер, 1995, 1998) и впоследствии разработанная М. Бахтиным (Бахтин, 1979), не перестает привлекать внимание исследователей (Лифинцева, 1999; Гордиенко, 2011; Прихода, 2011; Даренский, 2015; Паксина, 2015), посвящающих свои работы важным вопросам, связанным со значением диалога для развития культуры (Волкова, 2008; Тихонова, 2009; Бармин, 2012), общества и человеческого сознания (Гордиенко, 2011). К исследованию проблемы человеческого сознания подходят и с философской (Волкова, 2008; Клецкова, 2013), и с психологической (Улыбина, 2001), и с лингвистической (Чалыкова, 2017) точек зрения. Художественная литература как результат когнитивной и творческой активности автора продолжает оставаться благодатным материалом для изучения особенностей человеческого сознания, и подобные исследования проводятся сегодня на материале национальных литератур, охватывая

различные периоды развития искусства слова (Куронов, Шералиева, 2020). Проблема диалогичности сознания человека вошла и во многие художественные произведения первой трети XX века. Своеобразная ее система представлена в романе узбекского писателя и поэта Абдулхамида Чулпана (1897–1938) (Чулпан, 2000).

Второй в истории узбекской литературы роман «Ночь и день» (1936 г.) отражает события в жизни Туркестана в преддверии Первой мировой войны. К тому времени почти полвека в составе Российской империи существенно изменили облик края, социальную и политическую ситуацию в нем. Это, естественно, отразилось и на проблематике романа, и на системе образов. Более того, в романе «Ночь и день» А. Чулпану удалось применить новейшие на тот момент достижения философской антропологии. Мы уже обращались к анализу внутреннего диалога главного героя романа в наших предыдущих работах (Касымова, 2008). Однако необхо-

димо отметить, что в изображении образов Мирякуба и Акбарали мингбаши А. Чулпан предложил уникальное решение проблемы диалогичности человеческого сознания. Образ Мирякуба уже был серьезно исследован в узбекском литературоведении (Куронов, 2004), поэтому в данной статье мы постараемся рассмотреть его в диалогическом контексте.

Мирякуб, возможно, единственный из героев романа, который обладает огромным количеством характеристик, порой самых противоречивых. Начинается описание героя с упоминания прозвища, подаренного ему жителями кишлака: «эпакка» – «ловкач». Они же считают его «асл мингбоши» – «истинный мингбаши», потому что знают, что Акбарали мингбаши держится у власти только благодаря Мирякубу. Однако, пытаясь охарактеризовать род деятельности своего героя, А. Чулпан вынужден чаще исходить из отрицаний: не облеченный властью человек, и для мингбаши он не секретарь, не переводчик, и русского языка-то толком не знает... («Вроде Мирякуб не является чиновником, к тому же для мингбаши он не секретарь, и не переводчик, он и русского языка-то толком не знает... но почему он всегда сопровождает мингбоши? Почему?»¹ (Чулпан, 2000: 60)) (выдержки из романа приводятся в нашем переводе. Оригинальный текст представлен в концевых сносках – К. З.), а все же без него не может мингбаши решить ни одной из своих проблем. И если постоянное присутствие Мирякуба в пределах функционирования мингбоши заставляет посторонних характеризовать их как «покровитель» и его «дитя» («Солнце клонилось к закату, когда в главные ворота вошли “папаша” и его “сын-нок”»² (Чулпан, 2000: 171)), то близкие

люди хорошо знают истинное соотношение ролей. Так, Хадичахон – первая жена мингбаши – утверждает, что на самом деле Мирякуб – это «мать», а мингбоши – его «дитя» («Нелегко Вам приходится, Мирякуб! – сказала она. – Господин мингбаши словно младенец какой, а Вы – его мать... Без Вас этот человек просто с голоду помрет...»³ (Чулпан, 2000:173)).

Каждый из значимых персонажей произведения имеет свое собственное представление о Мирякубе и определяет его по-своему. Так, наиб (здесь: сановник, глава региона, представитель имперской власти) по праву считает Мирякуба «редким человеком»⁴ (Чулпан, 2000: 59) и восхищается его умением вести дела. Не удивительно, что он сравнивает его с американцем, подчеркивая его предпринимательскую хватку («Ты прямо как американец какой-то, Мирякуб! – воскликнул сановник. – Вот только, не обижайся, конечно, напрасно родился среди этой сартии!»⁵ (Чулпан, 2000: 61)).

Друг Мирякуба – владелец публичных номеров – искренне восхищается его изысканным вкусом, когда тот выбирает Марию – седьмую из одиннадцати предложенных ему женщин, за что называет его французом («И, увидев, что он выбрал именно эту – седьмую девушку, приятель хлопнул Мирякуба по плечу и только сказал: “Браво, Мирякуб! Дитя сартов – француз...”»⁶ (Чулпан, 2000: 123)). Интересно, что определение «француз» по отношению к Мирякубу мелькнуло в романе еще один раз, на этот раз уже с точки зрения Марии.

³ «Сизга жавр бўлди, Мирёкуб! — деди. — Мингбоши додхо худди бир гўдак бола; сиз — она... Сиз бўлмасангиз, очидан ўлади у киши...» (1, 173)

⁴ «Ноёб одамлардан» (1, 59)

⁵ «— Сен худди бир америкаликка ўхшайсан, Мирёкуб! — деди тўра. — Лекин кўнглингга оғир олма, чакки шу сартия ичида туғилиб қолгансан!» (1, 61))

⁶ «Шу учун еттинчисининг танлаганини кўриб, ош-наси Мирёкубнинг елкасига қокди ва «Ўлма, Мирёкуб! Сарт боласи — француз...», деб қўйди.» (1, 123))

¹ «Мирёкуб амалдор бўлмаса, лоақал мингбошига мирза ё тилмоч бўлмаса, ўзи ўрус тилини тузук-куруқ билмаса... нега мунақа мингбошининг кетидан элчиб юрарди? Нега?» (1, 60))

² «Кун ботишга бораётган вақда «отахон» билан «болахон» катта дарвозадан кириб бордилар.» (1, 171)

Она тоже по достоинству оценила тонкое обращение с ней как с женщиной, которое сумел продемонстрировать Мирякуб («Ну этот хоть повел себя как торговец, способный ценить купленный товар, – подумала она. – Сумел подойти к женщине как некий утонченный француз! Вот если бы все клиенты были такими!»)⁷ (Чулпан, 2000: 129)). Продолжая встречаться с ним, Мария сформировала собственное видение Мирякуба. В ее восприятии герой прошел следующие стадии эволюции: «клиент / клиент, не похожий на других / возлюбленный азиат / оригинальный тип / ох уж этот азиат / дикий азиат / Жакоб / Жакобчик / муж».

Примечательно, что, изображая своего героя, А. Чулпан использует сравнения с животными, но из всего животного мира для характеристики Мирякуба находит наиболее приемлемыми змею и лису. Змея упоминается, когда Мирякуб подслушивает важную беседу наiba и инженера, из которой узнает о будущем строительстве железной дороги – предприятия, на котором ему удалось заработать невероятно большие деньги («сановник посматривал на Мирякуба все тем же (как бы извиняющимся) взглядом, но, однако, и он не знал, что в такие моменты, даже если оба глаза Мирякуба смотрят в книгу, его оба уха наостроены, как змея, приготовившаяся гипнотизировать свою жертву»)⁸ (Чулпан, 2000: 60)). В данном фрагменте важно использование контраста: глаза – уши. Глаза устремлены в книгу, а уши – подслушивают ценную информацию. Интересно, что и в дальнейшем при описании героя чаще всего А. Чулпан говорит о черных (красивых) глазах Мирякуба, способных очаровывать (Марию), но, видимо, в то же время

и гипнотизировать, чем, скорее всего, и объясняются его успехи в бизнесе. Сравнение с лисой появляется в беседе Мирякуба с мингбаши («Лис, носящий прозвище “ловкач”, тут же почувствовал тщетные волнения, лежащие в основе заданного вопроса»)⁹ (Чулпан, 2000: 91)), подчеркивая чувствительность героя, который предстает здесь как тонкий психолог. Однако, как известно, образы змеи и лисы имеют метафорическое значение, которое не сводится только к утонченной чувствительности, но также включает в себе понятия «опасный» и «хитрый». Именно эти эпитеты более всего характеризуют Мирякуба-бизнесмена. Он ведет большие дела в городе и не платит налогов. Он называет мингбаши хозяином, но на деле считает его верблюдом, которого водит под уздцы, являясь предводителем каравана. Он мастерски устраивает дела мингбаши и в то же время готовится прибрать к рукам все имущество после его смерти, как он надеется, скорой. Он уводит Марию из публичного дома, даже не предупредив об этом своего «приятеля» – ее работодателя, и радуется тому, что сумел оставить последнего в дураках («Мирякуб вышел на улицу, посмеиваясь над глупостью своего приятеля»)¹⁰ (Чулпан, 2000: 154)). Он настолько изворотлив и настолько хитер, что не может не вызвать восхищения мингбоши, который искренне полагает, что Мирякуб работает для его блага («По его мнению, как одежда становится мала для растущего ребенка, так и прозвище “ловкач” уже было мало для Мирякуба. Необходимо было для него подобрать другое прозвище, но таковое не смогли бы уже найти жители этого кишлака, для этого надо было, чтобы сам Амир Навои, или Мавляна (господин) Джами, или может быть сам Шамашраб вернулись

⁷ «Бу, ҳеч бўлмаса, олган молини қадрлай оладиган савдогар муомиласини қилди-ку, – деб ўйлади у. – Хотин кишига нозик тарбияли бир француз каби яқинлаша билди-ку! Кошки ҳамма харидор шундай бўлса!» (1, 129))

⁸ «тўра бояги қараш билан Мирёқубга қараб қўяр, лекин ундай фурсатларда унинг икки кўзи китобда бўлса ҳам икки қулоғи, аврашга тушган илондай, диккайганини тўра билмас эди». (1, 60))

⁹ «Эпақа» лақабини ташийдиган тулки у саволнинг остида ётган беҳуда ташвишларни дарҳол пайқади (1, 91))

¹⁰ Мирёқуб ўз дўстининг аҳмоқлигидан қулиб, кўчага чикди (1, 154))

с того света»¹¹ (Чулпан, 2000: 94)). На самом деле Мирякуб, что бы он ни делал, все время ищет свою выгоду, что оправдано родом его занятий: бизнес.

Как истинный бизнесмен Мирякуб часто надевает различные маски. Он приспособливается к обстоятельствам и ведет себя определенным образом, в зависимости от создавшихся условий. Так, поймав на себе отеческий взгляд наиба, он отвечает ему взглядом избалованного сына («(Сановник) посмотрел на Мирякуба, как посмотрел бы добрый отец на своего любимого ребенка, тепло и нежно улыбаясь. Мирякуб тоже возразил ему как балованный сын»¹² (Чулпан, 2000: 59)). Маска веселья появляется на его лице в случаях, когда перед ним возникает сложное препятствие или сложно разрешимая задача. Так, сообщая мингбоши о разгромной статье в его адрес, написанной после того, как тот закрыл школу джаидов, Мирякуб смеется («“ха-ха” – расхохотался он»¹³, о чем потом откровенно сообщает мингбоши: «смеялся, потому что не мог придумать решение проблемы» («Газету я еще в городе увидел. С тех пор ищу выход. Ничего не смог придумать, вот и смеялся от безысходности»¹⁴ (Чулпан, 2000: 88)).

Мирякуб мастерски умеет вести беседу. Например, он никогда не отвечает на вопросы, не подумав («Мирякуб не был тем человеком, который бы сразу отвечал на слова мингбаши. Поэтому и в этот раз, по своей привычке, он начал ходить об-

ходными путями»¹⁵ (Чулпан, 2000: 64)). И чаще всего он отвечает вопросом на вопрос («– Сидишь?! Где сидишь? Спишь же всю! А ну рассказывай, что у тебя там? Какие новости?

– Новости от Вас узнавать будем. Вы были в городе. Кого встретили?»¹⁶ (Чулпан, 2000: 63)).

Он умеет всегда вовремя и тонко согласиться с собеседником. Например, в беседе с наибом, когда тот нелестно отзывался о мингбаши, Мирякуб тут же соглашается с ним.

(«– Акбарали дурак! Осёл!

– Правду говорите, господин, он немного глуповат...»¹⁷ (Чулпан, 2000: 142-143)).

Но и в беседе с мингбаши он умудряется высказаться нелестно о наibe. («– Господин наиб настаивал, что я мог поделаться?

– Господин наиб тоже хитрый человек. Он мог бы сам издать приказ и закрыть (школу джаидов), но он так не сделал. Он сделал это через Вас, а сам остался в стороне... Теперь палку сломали о Вашу голову!»¹⁸ (Чулпан, 2000: 87)), но что самое ценное: ни в одной из данных ситуаций герой не кривит душой.

Изображая Мирякуба как редкого, исключительного человека – самородка, появившегося в самом сердце народа и сумевшего подняться до национального уровня, а именно, сумевшего осознать понятие «нация» и увидеть смысл своей жиз-

¹¹ Унинг фикрича, ўсган болага эски кийими тор келгандай, Мирёкубга ҳам энди «эпака» лақаби камлик қиларди. Унга бошқа бир муносиб лақаб топиш лозим келардиким, ундай лақабни энди бу қишлоқ одамлари тополмасдилар, бунинг учун Амир Навоий ёки Мавлоно Жомий, ё бўлмаса, Шомашрабнинг тирилиб келиши даркор эди. (1, 94))

¹² «Мирёкубга худди меҳрибон отанинг севимли боласига қарайдиган қараши билан илиқ ва мулойим кулиб қаради. Мирёкуб ҳам эрка ўғилдек муқобала қилди» (1, 59))

¹³ «қаҳ-қаҳ» солиб қулди

¹⁴ «Газетни шаҳарда қўрдим. Шундан бери тадбир ахтараман. Ҳеч бир тадбир тополмаганим учун ночор-ноилож қулгига зўр берган эдим» (1, 88)

¹⁵ «Мирёкуб мингбошининг ҳеч бир сўзини бирдан нига қайтарган одам эмасди. Шунинг учун бу сафар ҳам, эски одатича, айланма йўл билан жавоб беришга бошлади» (1, 64)

¹⁶ – «Қани ўтирганинг? Уйқуни урибсан-ку! Қани, нима гаплар бор? Янги гаплардан гапир.

– Янги гапни сиздан эшитамиз. Шаҳарда эдингиз. Кимларни қўрдингиз?» (1, 63)

¹⁷ «– Акбарали аҳмоқ! Эшшак!

– Рост айтасиз, тўра, бир оз эси пастроқ... (1, 142-143))»

¹⁸ «– Нойиб тўра қўймади-да, қандоқ қилай.

– Нойиб тўра ҳам айёр одам. Ўзи буйруқ бериб ёптурса бўларди, ундай қилмади. Ўзи бир чеккада туриб, сиз орқали қилдирди... Таёқ энди келиб, сизнинг бошингизда синди!» (1, 87)

ни в служении ей, А. Чулпан употребил все свое мастерство художника и психолога. Так, он подарил своему герою все свои тонкие переживания и знания о женщинах. Например, о том, что женщину нельзя выбирать в состоянии опьянения и при электрическом освещении, что в ней, кроме красивого лица, важное значение имеет походка, что сердце женщины хрупко, как фарфоровая чаша, и играть им, как бизнесмен привык играть деньгами, – нельзя. Перед Мирякубом А. Чулпан, не жалея и не утаивая, раскрыл все свои знания о деятельности джаидов, рассказав ему о лидерах движения, газетах, которые они выпускали, и целях, которых добивались. Мирякуб стал тем героем, для которого А. Чулпан открыл границы, отправив его в путешествие, в корне перевернувшее жизнь героя и его представления о ней.

Но самое важное, что удалось А. Чулпану при создании образа Мирякуба, на наш взгляд, это своеобразное решение проблемы диалогичности человеческого сознания. Уверенный в том, что диалог с внешним миром есть основное условие личностного развития человека, А. Чулпан изобразил Мирякуба как наиболее развитого героя своего времени. Сложная система диалогичности героя распространяется на три важные сферы отношений:

1. Мирякуб и внешний мир;
2. Мирякуб физический и Мирякуб духовный;
3. Тонкий уровень сознания героя.

Рассмотрим каждый из них и постараемся уловить, как отразилась сложная организация личности героя в романе.

Сфера «Мирякуб и внешний мир» отличается диалогической открытостью героя к миру. Мир в данном случае представит в форме внешних контактов Мирякуба, информации, которую он получает, и нового опыта, к которому стремится.

Внешние контакты. Как известно, Мирякуб представлен очень демократичным человеком, достаточно вспомнить его манеру приветствовать людей, здоровающихся с ним на улице. Но, даже если он и

различает социальные прослойки общества (например, его нежелание поначалу пить чай с Зунуном, поскольку тот ниже его уровня), все же он умеет слушать людей и извлекать пользу из любого общения. Так, круг его контактов очень широк: сюда входят и явные, и теневые герои романа, поскольку бизнес у Мирякуба также теневой, и многие его связи не известны никому. Открытость к общению приводит Мирякуба к взаимовыгодному сотрудничеству с наибом («“Вот если бы все люди на свете были как мы вдвоем, мир стал бы раем”, – думал сановник. Возможно Мирякуб тоже так думает, ведь они оба – “не разлей вода”: одна душа, одно тело!»¹⁹ (Чулпан, 2000: 137) и к общению с джаидом. Благодаря своей готовности к контактам, Мирякуб может все: достать за один день новый паспорт для Марии, найти муллу в час ночи в ногайской мечети в Москве. А. Чулпан дарит герою еще больше возможностей для дальнейшего увеличения его контактов, познакомив его с джаидом в поезде.

Информация. Мирякуб как бизнесмен придает большое значение информации и старается добывать ее везде, где только можно. Яркий пример тому – информация о строительстве железных дорог. Благодаря ей Мирякуб закупил заброшенные земли, которые потом продал за большие деньги, поскольку там провели железную дорогу и построили новые поселки. Информация о привязанности суфи к его наставнику-ишану помогла Мирякубу довести дело с женитьбой мингбаши до успешного финала. Важно, что Мирякуб ищет информацию, а когда находит, проверяет ее («Нужна осторожность, говорю я! Осторожность! Если хорошенько спросим, будем лучше знать ведь! Вы не вмешивайтесь, я сам за пару дней все раз-

¹⁹ «Дунёда хамма одам болалари бизнинг иккимиздек бўлсалар, дунё жаннат бўларди», деб ўйлайди тўра. Мирёкуб ҳам шундай ўйласа керак: иккови бир жон, бир тан эмасми, ахир!» (1, 137)

узнаю и Вам доложу»²⁰ (Чулпан, 2000: 65)) и тут же начинает действовать. Таким образом, он всегда добивается успеха.

Опыт. Мирякуб всегда стремится к новому опыту. Он не боится рисковать (закупка земель вдоль будущей железной дороги), пробовать что-то новое (разнообразие его бизнеса) и не упускает шансов, когда они встречаются на его пути (отношения с Пошшахон и женой наибо). Даже попадая в новую для него среду, он не пугается, а смело рвется навстречу новым испытаниям (стремление узнать больше о джадидах, формирование нового отношения к миру).

Сфера «Мирякуб физический и Мирякуб духовный» интересна уже тем, что она представлена в романе как противостояние низшей («итлик» – «животный инстинкт») и возвышенной («одамийлик» – «человечность») природы человека. Являясь «проблематичным человеком» (Шеллер, 1998), Мирякуб умеет контролировать свои эмоции и управлять своими инстинктами. Он бежит помыть руки, хотя догадывается, что мингбаши (грязными руками!) съест все лучшие манты, пока тот вернется. Он не позволяет себе прикоснуться к Марии, хотя это требует от него больших усилий. Мирякуб культурный все время борется с Мирякубом «диким» – природным (см: Мережковский) и из этого конфликта никогда не выходит победителем, независимо от того, какая из его сторон одерживает верх. Он одинаково мучается, и когда идет на поводу своих желаний в связи с Пошшахон и женой наибо, и когда ему удастся перебороть их в отношениях с Марией. Мучения, сомнения, угрызения совести, которым подвержен Мирякуб, резко отличают его от мингбаши, в котором ярко выражена только природная (физическая) сущность, а духовная (культурная) лишь получила предпосылки к развитию благодаря песням Зеби. Мингбаши

живет, руководствуясь инстинктами, поскольку не видит в них ничего плохого, а Мирякуб мучается оттого, что видит. Таким образом, он представляет собой яркий пример «горя от ума». Противостояние «ит» (собака) – «одам» (человек) в романе преодолевается чувством прекрасного: любви, культуры. Интересно, что оба главных героя попадают в данную ситуацию одновременно. Мингбаши готов только слушать песни Зеби, а Мирякубу достаточно сидеть и смотреть, как Мария читает книги. И оба героя с удивлением осознают странную перемену в себе, настолько, что не могут узнать самих себя. Например, мингбаши стал задумываться о своем состоянии, чего с ним раньше не случалось («Если в этот момент, задумавшись о себе, о том, что он почему-то стал “очеловечиваться”, мингбаши прослушал последние слова Мирякуба, не нужно его осуждать. Этот ужасный человек в последнее время сам себя еле узнает»²¹ (Чулпан, 2000: 121)), и Мирякуб также не может узнать себя прежнего в нынешнем («Мирякуб – это не прежний Мирякуб, почему он так медленно идет? Кто-нибудь на этом свете до этого момента видел его идущим, считая шаги? Что вообще с ним случилось? Что произошло? Сам удивляется!»²² (Чулпан, 2000: 133)).

Наконец, сфера «Тонкий уровень сознания героя», так же, как и две другие его сферы, обусловлена родом занятий Мирякуба и фактом окультуренности его сознания. Мирякуб являет собой личность, у которой Я-рефлектирующее почти так же сильно, как и его Я-активное, и потому он переживает все возможные спектры взаимоотношений обоих его Я. Но прежде чем начать анализировать их взаимодействие,

²¹ «Шу топда ўзининг негадир «одамлаша бошлагани» тўғрисида ўйлаб кетиб, Мирёкубнинг сўнг сўзларини эшитмаган бўлса, мингбошини айблаш керак эмас. Бу қабих одам сўнг вақтларда ўзининг ўзи эканига ҳам унча ишониб етолмайди» (1, 121)

²² «Мирёкуб — бурунги Мирёкуб эмас, нега бу қадар секин юради? Унинг шу чокқача санаб қадам босганини кўрган одам борми дунёда? Нима бўлди ўзи унга? Ўзи ҳам хайрон!» (1, 133)

²⁰ «Эҳтиёт шарт, дейман мен! Эҳтиёт! Яхшироқ суриштирсак, яхшироқ биламиз-да, ахир! Сизнинг ишингиз бўлмасин, мен ўзим икки кунда тагига етиб, сизга арз қиламан» (1, 65)

необходимо отметить, что Мирякуб как герой нового времени носит в себе расколотое сознание – сложное единство традиционных представлений о жизни и новых условий, в которых они развиваются. Воспитанный на базе мусульманских традиций и национальной культуры, Мирякуб хорошо осведомлен об истинных, веками формировавшихся духовных ценностях. Однако сложившиеся в окружающем его

обществе в начале XX века экономические отношения давно убедили его в том, что прогресс и процветание связаны с Европой, а отсталость и мракобесие – с его народом. А значит, для достижения успеха и ценностей материальных нужно уметь поступиться духовными ценностями. Сознание Мирякуба можно представить в виде следующей таблицы:

Таблица

Линии разрыва в сознании Мирякуба

Table

Break lines in Miryakub's mind

Сознание Мирякуба / Miryakub's consciousness			
Я-активное / Active "I"		Я-рефлектирующее / Reflective "I"	
Ущемленное эго / Restrained ego	Деятель / Actor	Бизнесмен / Businessman	Ислам, классическая литература / Islam, classical literature

В сознании Мирякуба одинаково сильно функционируют и Я-активное, и Я-рефлектирующее. Я-активное – это внешняя, видимая часть сознания Мирякуба, которая обеспечивает и мотивирует его контакт с внешним миром. Я-рефлектирующее – внутренняя, скрытая часть сознания героя, которая не заметна для окружающих и нуждается в озвучивании автором в форме внутреннего диалога героя или потока его сознания. Интересно, что Я-рефлектирующее у Мирякуба не является цельным, как это было характерно для мингбаши, а, напротив, состоит из двух фрагментов: 1) бизнесмен, готовый попирает большинство моральных кодексов, и 2) человек, воспитанный на основе восточной культуры (ислам, классическая литература). Точно так же и Я-активное Мирякуба расколото на два фрагмента: 1) человек с ущемленным чувством собственного достоинства и 2) деятель, стремящийся исправить несправедливое по отношению к нему стечение обстоятельств. Ущемленное эго героя проявляется в том, что он постоянно сравнивает себя с другим

(мингбаши) и пытается доказать себе, что он (Мирякуб) – лучше: несмотря на то, что он не обладает властью и никем вообще не является, у него все же лучшая девушка, много денег и ума. Этому эго настолько привычно вести теневой бизнес, что даже наедине с собой (а именно во время «внутреннего суда») Мирякуб старается скрыть свое состояние: «почему вы думаете, что я богат?» («У меня нет никакой профессии, торговлей я не занимаюсь, и красной бумаги не получал... с небольшим количеством земли и воды, как я могу быть богат?»)²³ (Чулпан, 2000: 169)). Невероятная деловитость и успешность Мирякуба также объясняется стараниями его Я-активного исправить положение: обрести влияние, разбогатеть, стать лучше и выше других. Чувство собственного достоинства Мирякуба («менлик хисси» – «чувство Я»), на которое уже обращал внимание Д. Куронов (Куронов, 2004), жаждет быть утоленным.

²³ «Менинг хеч бир касбим бўлмаса, савдо-сотик қилмасам, қизил қоғоз олган бўлмасам... озгина ерсув билан нечик бадавлат бўлайин?» (1, 169)

И оно утоляется в романе, когда, например, наиб хвалит его, сравнивая с американцем, или когда его друг из публичного дома называет его французом и говорит, что не сомневался в его вкусе. Желание утолить извечную жажду эго к власти и богатству заставляет Мирякуба поступиться многим: он предает свою жену, а также мингбаши и наиба, когда вступает в связь с их женами; он планирует присвоить наследство мингбаши, несмотря на то, что среди наследников есть и несовершеннолетняя дочь, а значит, речь идет о присвоении доли сироты, что так же как и внебрачная связь, считается серьезным грехом в исламе. И это вызывает протест со стороны Я-рефлектирующего, воспитанного на восточных традициях. Таким образом, если Я-активное в произведении более или менее последовательно, то Я-рефлектирующее героя противоречиво и болезненно. Думается, что, только изучив соотношение единиц данного квартета, можно будет прийти к пониманию сложной личности Мирякуба и объяснить его поведение в романе.

Борьба или взаимодействие между обозначенными выше фрагментами сознания героя, а именно Я-активного и Я-рефлектирующего, в диалогическом плане разворачивается на нескольких уровнях. Анализируя проблему диалогичности в романе А. Чулпана «Ночь и день» по отношению к образу мингбаши (Касимова, 2018), мы уже выделили эти уровни как 1) взаимодействие, не достигающее уровня речи; 2) внутренний монолог; 3) озвученный монолог. Рассмотрим, как они проявляются в образе Мирякуба.

1. *Взаимодействие, не достигающее уровня речи*, проявляется в зоне ощущений (понимание, признание, представление) в такие моменты, когда оба «Я» человека – и активное, и рефлектирующее – не хотят или не могут противоречить друг другу. Как бизнесмен Мирякуб слишком занят, чтобы предаваться невыразимым мечтаниям («хаёл» – мысли, мечты) или оставаться наедине со своей совестью («виждон» –

совесть), как это наблюдается у мингбаши. Его перегруженное заботами о развитии бизнеса и об увеличении состояния сознание давно уже не пребывало в состоянии гармонии. Поэтому Мирякуб с удивлением обнаруживает моменты, когда его Я-активное и Я-рефлектирующее вдруг объединяются в едином ощущении, заставляя его онеметь от непонятных чувств, когда он видит Марию или, приближаясь к ее комнате, слышит ее пение. Можно утверждать, что сфера тонкого уровня сознания героя активизировалась именно под влиянием Марии, когда он вдруг ощутил контраст ее невинности с атмосферой публичного дома, куда она попала «в результате какого-то предательства» и откуда он ее потом вывел. Рядом с ней он забывал обо всем («Забыл про империю»²⁴ (Чулпан, 2000: 151); «Немного погодя я вернусь и проведу весь вечер, беседуя с тобой», – сказал я ей. Улыбнулась... Нет, я не могу отказаться и уйти от этой улыбки!»²⁵ (Чулпан, 2000: 188)), а значит, забывал о своем ущемленном эго и о необходимости его удовлетворять, и тем более о том, что она – дитя чужой культуры, чуждой религии. Это и приводило героя к онемению, то есть к ощущениям невыразимым – не оформляющимся в речи.

2. *Внутренний монолог* – это состояние в романе А. Чулпана наблюдается, когда Я-активное человека активизируется настолько, что его точка зрения из мира ощущений переходит в словесную форму. Это не предназначенные для чужих слова – тайна героя, которая бережно хранится обоими субъектами личности героя. Я-рефлектирующее не позволяет Я-активному высказать эти мысли вслух, и Я-активное смиренно уступает. Примером внутреннего монолога являются моменты, когда герой пытался определиться, как ему быть с Марией, когда сначала старался

²⁴ «Империя эсидан чикди» (1, 151)

²⁵ «Бир оздан сўнг кайтиб келиб, туни бўйи сен билан гаплашиб ўтираман», дедим. Кулимсиради... Йўқ, шу кулимсирашидан кечиб кетолмайман!» (1, 188)

убедить себя, что она такая же, как и другие представители ее профессии, а потом так же горячо убеждал себя в обратном. («О! Что это за голос!? Разве есть хоть капля “животного инстинкта” в этом голосе? Разве ее с таким голосом можно позвать в постель? Не похожа ведь вовсе! Вот то, что нашло на меня недавно, это был всего лишь сон, страшный сон, кошмар...»²⁶ (Чулпан, 2000: 135)).

Наиболее интересные примеры внутреннего монолога представлены и в те моменты, когда Мирякуб спорит с самим собой, иными словами, когда его внутренний монолог перерастает во внутренний диалог. Первый такой фрагмент связан с размышлениями о Марии и о том, почему он повел себя с ней именно так, то есть не прикоснулся к ней, а решил увезти ее с собой в Крым. Второй – когда уже после ночи с женой наiba Мирякуб жестоко судит себя за совершенное. Здесь в сознании героя разворачивается широкая картина истинного внутреннего суда, восходящего к понятию Страшного Суда, навсегда возложившего на человека *ответственность*, то есть уверенность в том, что рано или поздно ему придется *отвечать* за все свои действия. Естественное желание защититься от ответственности заставляет Я-активного героя с ярко выраженным ущемленным *эго* притворяться несведущим, отказываться от того, что случилось, прибедняться. В стремлении отстоять чувство собственного достоинства Я-активное яростно защищается, утверждая, что Пошшахон сама проявила инициативу и спровоцировала его стать ее любовником, что позднее, связав ее со своими далеко идущими планами по поводу присвоения наследства мингбаши, Мирякуб уже не мог ее отпустить, что связь с женой наiba – это начало новых отношений для пользы его будущих предприятий. Интересно, что в процессе суда часть его Я-

рефлектирующего, представляющая собой бизнесмена, оправдывает Мирякуба, а другая часть, которая воспитана на мусульманских традициях – осуждает. Именно она высказывает и самую обидную для Мирякуба мысль о том, что мингбаши лучше, чище и достойнее Мирякуба хотя бы потому, что он никогда не переспал бы с чужой женой. В результате, даже если «судьи» Мирякуба исчезают, отступив перед силой его бизнес-доводов, то часть его Я-рефлектирующего, основанная на мусульманских и – шире – общечеловеческих традициях, остается с ним и продолжает причинять ему боль.

Не менее важным примером внутреннего монолога служат страницы из воображаемого дневника Мирякуба, где он делится своими впечатлениями о встрече с джадидом. Данный пример интересен тем, что герой неожиданно для себя оказался в совершенно непонятной, новой для него ситуации. Здесь его Я-активное бросилось в пучину событий, а Я-рефлектирующее еще не могло, не успело осмыслить происходящее и рассмотреть его сквозь призму своего содержания. Не удивительно, что все время только задававший вопросы и слушавший Мирякуб, наконец-то задумался: «А правда ли это все?» – только после того, как Шарафуддин Ходжаев распрощался с ними. («Теперь, когда его сладкий голос отдалился от моих ушей, прекратился торопливый поток его впечатляющих слов... я стараюсь взвесить эти слова на весах разума. Правда ли это? Не обман ли?»²⁷ (Чулпан, 2000: 191)) То есть «взвешивать слова джадида на весах разума», по А. Чулпану, это и есть соотносить новый опыт Я-активного с информацией, заложенной в Я-рефлектирующем. Но и долго после того, как Мирякуб начал пытаться осмыслить создавшееся положение, он никак не мог согласиться с тем, что джадид

²⁶ ««Бу кандай овоз? «Итлик» асари борми шу овозда? Шу овоз билан каравотга чакириб бўладими? Ўхшайди-ку сира! Бояги бир туш эди... бир боширик келиб кечди...» (1, 135)

²⁷ «Энди, унинг ширин овози кулоғимдан йироқлашгач, таъсирли сўзларининг шошилиш оқими узилгач... у сўзларни эс тарозусида солиб кўраётirman. Ростми у гаплар? Ёлғон эмасми?» (1, 191)

говорит неправду или просто выдумывает и морочит его. Примечательно, что именно здесь Я-активное начинает обретать определенную цельность. То есть, если прежде Мирякуб стремился отличиться: вырваться вперед, доказывая, например, что он лучше мингбаши, то после беседы с джадидом он впервые подумал об Акбарали мингбаши как о близком человеке, с которым не надо соревноваться и которого не надо обманывать, но с которым надо заниматься общим делом – обучать, развивать, просвещать нацию («Если это есть джадид, то почему я не джадид, почему мингбаши не джадид, почему бы всем не быть джадидами?...»²⁸ (Чулпан, 2000: 182)). Эта маленькая метаморфоза обещает положительные результаты – соединить в гармоничное целое расколотые части сознания Мирякуба и помочь ему обрести смысл жизни.

3. *Озвученный монолог.* У А. Чулпана озвученный монолог возникает в состоянии, когда мысль героя, облеченная в слово, настолько сильна, что Я-рефлектирующее уже не в состоянии удержать ее. Слова высказываются или, скорее, вырываются из уст героя в моменты большой радости или потрясения. Они еще не доросли до уровня диалога, так как не ищут отклика и не рассчитаны на понимание. Данный уровень отношений субъектов личности героя не сильно развит у Мирякуба, поскольку он очень активно участвует в диалогических отношениях с внешним миром. Умея держать себя в руках, он остается очень закрытым человеком, что тонко замечает Мария («Этот Джэкоб очень закрытый человек, ничего нельзя понять. Говорят, японцы бывают такими. Но разве он тоже не дитя Азии? Все они одинаковые!...»²⁹ (Чулпан, 2000: 193)). Поэтому все, что можно утаить, Мирякуб ни-

когда не выскажет, а то, о чем нужно поговорить, он проговорит открыто и в расчете на понимание и положительный результат. Разве что те фрагменты, когда он много размышлял в поисках решения проблем мингбоши и время от времени произносил: «Оххо-хо»³⁰ (Чулпан, 2000: 97), можно считать примерами озвученного монолога.

Таким образом, можно утверждать, что Мирякуб как герой, находящийся в сложно развитой системе диалогических отношений с внешним миром, является важным примером героя своего времени – носителя расколотого сознания, в котором Я-активное и Я-рефлектирующее не являются цельными, а состоят из фрагментов, порой болезненно противоречащих друг другу. Так, ущемленное эго героя активизировало в нем деятеля, стремящегося исправить несправедливое по отношению к нему стечение обстоятельств, формируя своеобразный кодекс бизнесмена, смеющегося попирает законы нравственности, против чего серьезно протестует часть его рефлектирующего сознания, основанного на мусульманских и – шире – общечеловеческих ценностях. Борьба между обоими субъектами сознания героя проявляется на таких уровнях диалогических отношений, как взаимодействие, не достигающее уровня речи, внутренний монолог/диалог и озвученный монолог. Более глубокое исследование проблемы диалогичности человеческого сознания в романе А. Чулпана «Ночь и день» способно многое прояснить в художественной системе писателя и в целом узбекской литературы XX века. Но уже сейчас можно утверждать, что роман «Ночь и день» доказывает, что А. Чулпан далеко опередил своих современников в понимании и решении проблем диалогизма.

Источники

Чулпан, А. Кеча ва кундуз. Тошкент: Шарк, 2000. 288 б.

Литература

Бармин, А.В. Диалогичность как свойство и условие культуры // История науки и

²⁸ «Агар жадид шу бўлса, нимага мен жадид эмасман, нимага мингбоши жадид эмас, ҳамма жадид эмас?...» (1, 182)

²⁹ «Бу Жакоб жуда берк одам, ҳеч нарсага тушуниб бўлмайди. Японларни шундай бўлади, дердилар. Бу ҳам Осиё боласи эмасми? Ҳаммаси бир балол!...» (1, 193)

³⁰ Хўх-хў (1, 97)

техники в современной системе знаний: вторая ежегодная конференция кафедры истории науки и техники, 8 февраля 2012. Екатеринбург: [УМЦ УПИ], 2012. С. 45-50. [Электронный ресурс] URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/39914/1/init_2012_08.pdf (дата обращения: 30.01.2021).

Бахтин, М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.

Бубер, М. Проблема человека, 1998. [Электронный ресурс] URL: www.i-text.narod.ru/lib/buber/problem.html (дата обращения: 30.01.2021).

Бубер, М. Я и ты, 1995. [Электронный ресурс] URL: <http://www.klex.ru/nvh> (дата обращения: 30.01.2021).

Волкова, Т. Философская концепция другого в контексте формирования мультикультурного общества // Вестник МГТУ. 2008. Т. 11. № 1. С. 84-88.

Гордиенко, Е.В. Диалогичность сознания личности: анализ философско-психологических концепций сознания // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2011. № 3. С. 238-243.

Даренский, В.Ю. Диалогическая природа человеческого бытия как откровение о человеке // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2015. № 1 (17). С. 18-32.

Касимова, З.А. Концепция мира и человека в призме традиций национальной и мировой литературы. Ташкент: Фан, 2008. 228 с.

Касимова, З.А. Проблема диалогичности человеческого сознания и ее решение в романе Чулпана «Ночь и день» // Чўлпон ижоди ва замонавий адабий жараён: Конференция материаллари 29-30 ноябрь, 2018. Тошкент: "Mashhur-press", 2018. С. 169-176.

Клецкова, И.М. О некоторых аспектах понимания философии диалога М.М. Бахтина // Философия и социальные науки. 2013. № 3/4. С. 31-35 [Электронный ресурс] URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/91447> (дата обращения: 30.01.2021).

Куронов, Д.Х., Шералиева, М.И. Отражение «двойного сознания» в повести М. Мухаммада Доста «Возвращение в Галатепе» // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 3. С. 28-36. DOI: 10.18413/2408-932X2020-6-3-0-3.

Лифинцева, Т.П. Философия диалога. М.: ИФ РАН, 1999. 133 с.

Мережковский, Д.С. Пушкин. [Электронный ресурс] URL: <https://ilibrary.ru/text/1004/p.1/index.html> (дата обращения: 30.01.2021).

Паксина, Е.Б. Концепция диалога в работах М. Бахтина и В. Библера // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 (Ч. 2). [Электронный ресурс] URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=19949> (дата обращения: 30.01.2021).

Прихода, И.В. Истоки «диалогичности» М. Бахтина: полифонический роман Ф.М. Достоевского // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (46). С. 235-238.

Тихонова, Е.П. Диалог как универсальный способ развития культуры и всеобщая форма понимания личности // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 327. С. 69-73.

Улыбина, Е.В. Психология обыденного сознания. М.: Смысл, 2001. 263 с.

Чалыкова, Т. Блуждания ума: языковое сознание о ментально-когнитивной деятельности человека // Acta Universitatis Lodzensis. Folia Linguistica Rossica. 2017. № 12. С. 29-41 [Электронный ресурс] URL: <https://czasopisma.uni.lodz.pl/lingrossica/article/view/1486> (дата обращения: 30.01.2021).

Шелер, М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии: Переводы / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 31-95.

Куронов, Д. Чўлпон насри поэтикаси. Тошкент: Шарк, 2004. 288 б.

Sources

Chulpon, A. (2000), *Kecha va kunduz* [Night and Day], Shark, Tashkent, Uzbekistan (in Uzbek.).

References

Bakhtin, M. (1979), *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity], Iskustvo, Moscow, Russia (in Russ.).

Barmin, A. V. (2012), "Dialogicity as a characteristic and condition of culture", *Istoriya nauki i tekhniki v sovremennoy sisteme znaniy: vtoraya ezhegodnaya konferentsiya kafedry Istorii nauki i tekhniki, 8 fevralya 2012* [History of Science and Technology in the Modern Knowledge System: Second Annual Conference of the Department of History of Science and Technology,

February 8, 2012] UMC UPI, Ekaterinburg, Russia, 45-50 [Online], available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/39914/1/init_2012_08.pdf (Accessed 30 January 2021) (in Russ.).

Buber, M. (1995), *Ja i ty* [Me and You] [Online], available at: <http://www.klex.ru/nvh> (Accessed 30 January 2021) (in Russ.).

Buber, M. (1998), *Problema cheloveka* [Human problem] [Online], available at: www.i-text.narod.ru/lib/buber/problem.html (Accessed 30 January 2021) (in Russ.).

Chalykova, T. (2017), "Mind wanderings: linguistic consciousness about the mental and cognitive activity of a person", *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Linguistica Rossica*, (12), 29-41 [Online], available at: <https://czasopisma.uni.lodz.pl/lingrossica/article/view/1486> (Accessed 30 January 2021) (in Russ.).

Darenskij, V. Ju. (2015) "The dialogic nature of human existence as a revelation about man", *Vestnik Samarskoy humanitarной akademii. Seriya "Filosofija. Filologija"* [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series "Philosophy. Philology"], 1 (17), 18-32 (in Russ.).

Gordienko, E. V. (2011), "Dialogic consciousness of the person: analysis of philosophical and psychological concepts of consciousness", *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University, named after V.P. Astafiev*, 3, 238-243 (in Russ.).

Kasymova, Z. A. (2008), *Kontseptsiya mira i cheloveka v prizme traditsiy natsional'noy i mirovoy literatury* [The concept of the world and the person in the light of the traditions of national and world literature], Fan, Tashkent, Uzbekistan (in Russ.).

Kasymova, Z. A. (2018), "The problem of dialogicality of human consciousness and its solution in Chulpan's novel 'Night and Day'", *Chulpon izhodi va zamonaviy adabiy zharajon: Konferençija materiallari 29-30 nojabr' 2018* [Chulpan's works and the process of modern literature: proceedings of the conference on November 29-30 2018], Tashkent, Uzbekistan, 169-176 (in Uzbek.).

Kleckova, I. M. (2013), "On some aspects of understanding the philosophy of dialogue by M. M. Bakhtin", *The Journal of Philosophy and Social Sciences*, 3/4, 31-35 [Online], available at: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/91447> (Accessed 30 January 2021) (in Russ.).

Kuronov, D. (2004), *Chulpon nasri pojetikasi* [The poetics of the Chulpan's prose], Shark, Tashkent, Uzbekistan (in Uzbek.).

Kuronov, D. H., Sheralieva, M. I. (2020), "Depiction of 'double consciousness' in the story by M. Muhammad Dost 'Return to Galatepa'", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6(3), 28-36, DOI: 10.18413/2408-932X2020-6-3-0-3 (in Russ.).

Lifintseva, T. P. (1999), *Filosofija dialoga Martina Bubera* [Philosophy of the dialogue by Martin Buber], RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia (in Russ.).

Merezhkovskiy, D. S., *Pushkin* [Pushkin] [Online], available at: ilibrary.ru/text/1004/p.1/index.html (Accessed 30 January 2021) (in Russ.).

Paksina, E. B. (2015), "The concept of dialogue in the works of M. Bakhtin and V. Bybler", *Modern problems of science and education*, 1 (part 2) [Online], available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19949> (Accessed: 30 January 2021).

Prihoda, I. V. (2011), "The Origins of M. Bakhtin's 'Dialogicity': a Polyphonic Novel by F. M. Dostoevsky", *Almanac of Modern Science and Education*, Gramota, Tambov, 3 (46), 235-238 (in Russ.).

Sheler, M. (1988), "The Human's Place in the Cosmos", *Problema cheloveka v zapadnoj filosofii: Perevody* [The Problem of Man in Western Philosophy: Translations], Progress, Moscow, Russia, 31-95 (in Russ.).

Tihonova, E. P. (2009), "Dialogue as a universal way of developing culture and a universal form of understanding the Individual", *Tomsk State University Journal*, 327, 69-73 (in Russ.).

Ulybina, E. V. (2001), *Psikhologija obydenного soznaniya* [Psychology of everyday consciousness], Smysl, Moscow, Russia (in Russ.).

Volkova, T. (2008), "The Philosophical concept of the Other in the context of the formation of a multicultural society", *Vestnik of MSTU*, 11 (1), 84-88 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Касимова Замира Абдуллаевна, доктор филологических наук, доцент, преподаватель русского языка, Негосударственное образовательное учреждение “Andijan-Phoenix”, проспект Навои, д 71, г. Андижан, 170100, Узбекистан; zk67185@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Zamira A. Kasimova, Doctor of Philology, Associate Professor, Teacher of Russian, Non-governmental Educational Institution "Andijan-Phoenix", 71 Navoi Avenue, Andijan, 170100, Uzbekistan; zk67185@gmail.com